
Легенда о ханском подворье на месте Чудова монастыря в источниках и исторической литературе

DOI 10.31168/91674-483-5.16

Мнение о том, что Чудов монастырь, просуществовавший в Московском Кремле с середины XIV столетия до 1929 г., был основан на месте татарского конюшенного двора или же золотоордынского посольского подворья, подаренного митрополиту Алексею ордынскими правителями в знак благодарности за совершенное им чудесное исцеление от слепоты ханши Тайдулы, широко отражено как в историко-краеведческой¹, так и в религиозно-просветительской литературе², а в последние два десятилетия

---

¹ *Иосиф, архим.* Путеводитель к святыне и священным достопамятностям Москвы. М., 1882. 9-е изд. С. 51; *Фабрициус М.* Кремль в Москве. Очерки и картины прошлого и настоящего. М., 1883. С. 276; *Кондратьев И.К.* Седая старина Москвы. М., 1893. С. 69; *Торопов С.А.* Москва. Ее прошлое и настоящее. К 750-летию основания. М., 1897. С. 13; *Георгиевский Г.П.* Москва, ее святыни и памятники. М., 1904. С. 217–218; *Забелин И.Е.* История города Москвы. М., 1905. Ч. 1. 2-е изд. С. 284; *Скворцов Н.А., протоиер.* Археология и топография Москвы. М., 1913. С. 159, и др.

² *Ратишин А.* Полное собрание исторических сведений о монастырях и церквях в России. М., 1852. С. 192; *Иоанникий, иером.* Описание Чудова монастыря. М., 1873. С. 3; Московский кафедральный Чудов монастырь. М., 1896. С. 6; *Ерמיлина Т.С.* Мир русских икон и монастырей: история, предания. М., 1997. С. 137–141; *Он же.* Мир русских монастырей. История, предания. М., 2003. С. 157–160; Русские монастыри и храмы. Историческая энциклопедия. М., 2010. С. 645; *Глухов А.Г.* Обители мудрости. Монастыри и храмы как центры книжности России. М., 2010. С. 96, и др. Не чуждо это представление и мусульманским авторам: *Хайретдинов Д.З.* Золотая Орда в златоглавой столице Руси // <http://islamrf.ru/news/culture/history/19359>; *Он же.* Подворья Золотой Орды в великокняжеских столицах — Москве и Нижнем Новгороде // Фаизхановские чтения. Н. Новгород, 2006. № 3; и др.

еще и распространилось по бесчисленному множеству интернет-сайтов. Более того, даже в сугубо научных трудах об этом ханском подарке упоминается как о чем-то само собой разумеющемся и не требующем специального подтверждения, поэтому такого рода упоминания, как правило, не сопровождаются отсылками не только к историческим источникам, но даже и к предшествующей исследовательской литературе³. Это наглядно свидетельствует о том, что представление об ордынском подворье на месте основания Чудова монастыря прочно вошло в массовое историческое сознание наших соотечественников. Значительным большинством из них оно воспринимается как несомненный исторический факт, и зачастую выступает в качестве основы для далеко идущих этно-религиозных интерпретаций.

Однако вплоть до настоящего времени практически невозможно было ни назвать время появления этой легенды, ни определить культурно-идеологический контекст ее формирования. А без этого нельзя было дать и объективную оценку ее исторической значимости. Такое положение дел определялось уже отмеченным обстоятельством: авторы, рассказывавшие во второй половине XIX — начале XXI в. на страницах своих сочинений об основании Чудова монастыря на месте ордынского подворья в Московском кремле, при этом либо совсем не указывали своих источников, либо глухо ссылались на некие «предания», что совершенно лишало эту легенду хоть какой-то исторической приуроченности.

Лишь И.Е. Забелин в данном контексте, тоже весьма неопределенно, указал на «некоторые летописцы». «Некоторые летописцы упоминают, — писал почтенный московский историк, — что на этом месте (Чудова монастыря. — Д. К.) находился Царев Ордынский Посольский двор, т.е. местопребывание приходивших в Москву царевых, иногда очень грозных и немилостивых, послов, появлявшихся время от времени за сбором даней и пошлин, а также и сверх пошлин чрезвычайных царевых запросов. Другие позднейшие свидетельства упоминают, что здесь был конюшенный двор хана Джанибека, который подарила святителю царица Тайдула (Тайтуглы). Конюшенный двор, конечно, составлял только часть всего подворья. Невозможно предполагать, чтобы в Кремле находились только одни конюшни ордынских послов»⁴. К сожалению, никаких указаний на конкретные летописные тексты, содержащиеся в рукописях или печатных публикациях, в «Истории города Москвы» не приведено. Поэтому, в каких летописцах И.Е. Забелин видел приведенные им сведения, оставалось только догадываться. Вслед за И.Е. Забели-

³ Малков Ю.Т. Стенопись собора Чуда Архангела Михаила в Хонех в Московском Кремле // Древнерусское искусство. Проблемы и атрибуция. М., 1977. С. 368; Кирпич В.А. История развития застройки и планировки территории Чудова монастыря // Кадашевские чтения. Сборник докладов конференции. М., 2011. Вып. 8. С. 129.

⁴ Забелин И.Е. История города Москвы. С. 284.

ным на некие неопределенные летописи ссылались и некоторые другие исследователи⁵. Однако конкретных летописных памятников никто из них тоже не называл. Очевидно, позднейшие историки целиком полагались на авторитет своего уважаемого предшественника.

Лишь в начале XXI столетия была предпринята целенаправленная попытка выявления источников, способных подтвердить достоверность легенды о подарке ордынского подворья митрополиту Алексею для постройки Чудова монастыря. Эту попытку осуществила Т.Д. Панова, являвшаяся на тот момент главным археологом Государственного историко-культурного музея-заповедника «Московский Кремль». Как профессиональный археолог она решительно отвергла возможность подтвердить легенду о татарском (ордынском) подворье в Кремле имеющимся археологическим материалом⁶. Анализ летописей и актового материала также привел ее к выводу об отсутствии там прямых указаний на существование подобного подворья⁷. В конечном итоге Т.Д. Панова пришла к убеждению, что версия об основании Чудова монастыря на месте ханского подворья является мифологическим стереотипом, появившимся в русской исторической литературе в середине XIX в.⁸ При этом Т.Д. Панова указала и на того человека, который, по ее мнению, породил этот исторический миф, — исследователя московских древностей И.М. Снегирева⁹.

Действительно, И.М. Снегирев в 1843 г. в пятой тетради своих «Памятников московских древностей» писал, что «место Чудова монастыря занимал конюшенный двор хана Джанибека, который подарила святителю (Алексею. — Д. К.) излеченная им ханша Тайдула, или Тайбола»¹⁰. В том же году увидела свет и еще одна работа И.М. Снегирева — «Новоспасский монастырь», где также утверждалось, что «до святителя Алексия место Чудова монастыря занято было ханским двором с конюшнями»¹¹. Позднее это утверждение неоднократно

---

⁵ См., например: *Скворцов Н.А., протоиер.* Археология и топография Москвы. С. 159; *Выголов В.П.* О первоначальной архитектуре собора Чудова монастыря // Средневековое искусство. Русь, Грузия. М., 1978. С. 63–82.

⁶ *Панова Т.Д.* Татарское подворье в Московском Кремле: миф или реальность? // Столичные и периферийные города Руси и России в Средние века и раннее Новое время (XI–XVIII вв.). Доклады Второй научной конференции (Москва, 7–8 декабря 1999 г.). М., 2001. С. 30–31.

⁷ Там же. С. 28–31.

⁸ Там же. С. 31.

⁹ Там же. С. 25–26, 28.

¹⁰ *Снегирев И.М.* Памятники московских древностей. М., 1842–1843. С. 131.

¹¹ *Снегирев И.М.* Новоспасский монастырь. М., 1843. С. 9.

повторялось И.М. Снегиревым в его работах 50–70-х гг. XIX в.¹² И именно к этому автору восходит практически вся последующая литература вплоть до настоящего времени.

Сам же И.М. Снегирев ссылаясь при этом на «Измарагд диалектовый от создания мира, оканч[ивающийся] 1697 г. писан полууставом, в 12, принадлежал К. Аверину»¹³. Упомянутый в данной отсылке К.И. Аверин был зарайским купцом и коллекционером-любителем начала XIX в. Его сравнительно небольшая коллекция древнерусских рукописей не сохранилась как единое целое, но оказалась рассредоточена по иным рукописным собраниям. Большая часть аверинских рукописей была передана в библиотеку Московского общества истории и древностей российских при Московском университете и в Румянцевский музей¹⁴. Но ни в этих, ни в каких бы то ни было других рукописных собраниях указанный И.М. Снегиревым «Измарагд диалектовый» никто из исследователей никогда не встречал. Это и дало Т.Д. Пановой повод заподозрить И.М. Снегирева в мистификаторстве.

К подобного рода подозрениям подталкивает и само название рукописи, будто бы принадлежавшей купцу Аверину. Если это был какой-то список «Измарагда» — сборника церковных поучений устойчивого состава, — то почему он «диалектовый»? «Диалектовыми» в древнерусской письменности назывались рукописи, содержащие словари. «Измарагд» никак не может быть «диалектовым» словарем. Равным образом к «Измарагду» не применима характеристика «от создания мира, оканчивающийся 1697 г.». Это указание уместно для хронографа или (в меньшей степени) для летописи, но не для сборника святоотеческих гомилий, каковым являлся «Измарагд». Смещение нескольких совершенно несовместимых жанровых признаков в заглавии рукописи, которую после И.М. Снегирева никому не приходилось видеть, волей-неволей заставляет задуматься: а могла ли существовать такая рукопись в реальности? Тем более что М.П. Погодин, близко

---

¹² *Снегирев И.М.* Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества. Год 3. М., 1852. С. 78–79; *Он же.* Новоспасский ставропигиальный монастырь. М., 1863. С. 5; *Он же.* Москва. Подробное историческое и археологическое описание города. М., 1875. Т. 1. С. XIII; М., 1873. Т. 2. С. 201.

¹³ *Снегирев И.М.* Памятники московских древностей. С. 131. Прим. 1; *Он же.* Новоспасский монастырь. С. 9. Прим. 7.

¹⁴ См.: Роспись книгам и монетам, принесенным в дар Обществу истории и древностей российских зарайским купцом К.И. Авериным // Труды и записки Общества истории и древностей российских. М., 1827. Ч. III. Кн. II. С. 17–28, 79–81, 113–114, 150–151; *Козлов В.П.* К истории комплектования Румянцевского собрания русских и славянских рукописей // Записки Отдела рукописей. М., 1980. Вып. 41. С. 5, 18 (№ 118), 23 (№ 307), 27 (№ 420), 28 (№ 445); *Он же.* Колумбы российских древностей. М., 1985. С. 80, 81.

знавший И.М. Снегирева как человека и исследователя, отмечал за ним такую особенность: «Он часто запутывается и запутывает читателя, даже иногда как будто с умыслом, по особенному складу ума: ему как будто приятнее бывает туман, чем свет. **К десяти верным сведениям он приложит непременно с ветру одиннадцатое неверное, и вы затруднитесь разобрать, которое же из одиннадцати известий никуда не годится** (выделено нами. — Д. К.). По этой причине многочисленными сочинениями и разысканиями Снегирева должно пользоваться как богатым материалом, но с особенной осторожностью и не употреблять его показаний без проверки»¹⁵.

К счастью, в нашем случае И.М. Снегирев все-таки оставил некоторую возможность для проверки добросовестности его информации о ханском дворе на месте будущего Чудова монастыря. Кроме аверинского «Измарагда диалектового», существование которого так и остается на его совести, он сделал ссылку еще на — «Сочинения А. Сумарокова, Ч. VI, 289»¹⁶. Нам было доступно второе издание «Полного собрания сочинений в стихах и прозе» А.П. Сумарокова, шестая часть которого была издана в 1781 г. Там на странице 307 (а не 289, как у И.М. Снегирева, который пользовался более поздним изданием сумароковских «Сочинений» 1787 г.) сказано: «Митрополитом был при нем (великом князе Иване Ивановиче. — Д. К.) Алексей, опочивающий в Чудове монастыре, им самим созданном, на котором месте был прежде двор татарских посланников»¹⁷. Это утверждение содержится в статье А.П. Сумарокова «О первоначалии и созидании Москвы». Данная статья впервые была опубликована в январской книжке сумароковского журнала «Трудолюбивая пчела» за 1759 г. Очевидно, сочинена она была А.П. Сумароковым незадолго до публикации — в конце 50-х гг. XVIII в.¹⁸ Таким образом, версия о первоначальном существовании ордынского подворья на месте Чудова монастыря удревняется по отношению к публикациям И.М. Снегирева почти на столетие. Поэтому его теперь нельзя считать «мистификатором», придумавшим чудовскую легенду «с ветру», по выражению М.П. Погодина.

¹⁵ *Погодин М.П.* Судьбы археологии в России // Труды I Археологического съезда в Москве. 1869 г. М., 1871. Т. I. С. 25–26 (перепечатано в кн.: *Погодин М.П.* Сочинения. М., 1872. Т. III. Речи. 1830–1872. С. 504–505). См. также аналогичные замечания у И.Е. Забелина: *Забелин И.Е.* Опыты изучения русских древностей и истории. М., 1873. Ч. II. С. 119–122.

¹⁶ *Снегирев И.М.* Памятники московских древностей. С. 131. Прим. 1.

¹⁷ *Сумароков А.П.* О первоначалии и созидании Москвы // *Он же.* Полное собрание сочинений в стихах и прозе. М., 1781. 2-е изд. Ч. VI. С. 307.

¹⁸ *Салмина М.А.* Древнерусские повести о начале Москвы в переработке А.П. Сумарокова // Труды отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1958. Т. XV. С. 381.

Правда, обращает на себя внимание довольно заметная разница в изложении деталей этой легенды. У А.П. Сумарокова речь идет о дворе татарских посланников, а у И.М. Снегирева он уже превращается в конюшенный двор хана. Как мы помним, И.Е. Забелин относил вариант с посольским двором к сведениям «некоторых летописцев», а вариант с конюшенным двором связывал с какими-то «позднейшими свидетельствами». Но из-за отсутствия ссылки на источники в его «Истории города Москвы» мы лишены возможности узнать, что это за свидетельства. Скорее всего, И.Е. Забелин как раз и подразумевал под ними писания И.М. Снегирева, явно вступал с ними в полемику на страницах своей «Истории города Москвы». Точно так же и в отношении И.М. Снегирева мы пока не можем сказать, действительно ли он располагал источником, в котором упоминался именно ордынский конюшенный двор на месте Чудова монастыря, или же это его произвольное, «с ветру», переосмысление прочитанного у А.П. Сумарокова.

Поскольку ссылки на источники в статье А.П. Сумарокова не приведено, то мы рисковали бы остановиться в распутывании генезиса чудовской легенды на середине XVIII в. Но на сегодняшний день мы можем указать целый ряд текстов, в которых еще на столетие раньше говорилось о создании митрополитом Алексеем Чудова монастыря на месте подаренного ханом «посольского двора».

В собрании рукописей РГАЛИ имеется сборник житий русских святых — РГАДА, Ф. 187. Собр. РГАЛИ. № 61, в 4^о, который можно датировать первой половиной XVII в.¹⁹ Там на л. 329об.–335 читается краткая редакция Жития митрополита Алексея, которая известна еще по двум спискам, введенным в научный оборот Р.А. Седовой (РГБ, собр. Усова. Ф. 651 № 84 (М 5199), Сборник посл. четв. XV в. Л. 80–84; РГБ, Музейное собр. № 10301, Пролог тр. четв. XVI в. Л. 518об.–521)²⁰. Данная редакция представляет собой сокращение Жития свт. Алексея, написанного Пахомием Сербом ок. 1459 г. Ни в Пахомиевой редакции Жития, ни в ее сокращенной переделке изначально никаких сведений о подарке митрополиту Алексею ордынского подворья в Москве не содержалось.

Но в списке из собрания РГАЛИ имеются две заметные интерполяции, отсутствующие в списках, указанных Р.А. Седовой. На л. 333 го-

---

¹⁹ Последнее по времени описание рукописи и датировку ее первой половиной XVII в. см.: *Минеева С.В.* Рукописная традиция Жития преподобных Зосимы и Савватия Соловецких (XVI–XVIII вв.). М., 2001. Т. I. С. 468.

²⁰ *Седова Р.А.* К вопросу о первоначальной редакции Жития митрополита Алексея, созданной пермским епископом Питиримом // Макариевские чтения. Можайск, 1998. Вып. 5. С. 351–364. Представление Р.А. Седовой о найденной ей краткой редакции Жития свт. Алексея как о произведении епископа Питирима Пермского, предшествовавшем агиографическому труду Пахомия Серба, нами не разделяется.

ворится, что слава о свт. Алексее «до того нечестиваго царя Жанибека доиде. Имяше же царь той дщерь царицу имянемъ Тайбулу 3-х лет слепоу сущу». Вторая вставка сделана в сцене одарения митрополита Алексея ханом за чудесное излечение «девицы»: «И даде ему под м[о]н[а]стырь и посолскіи двор иже бе на Москве» (л. 334об.). «По сих же» свт. Алексей «воздвизает на томъ месте ц[е]рк[о]вь каменную во имя архистратига Михаила ч[е]стнаго его Чюда|| и предель во имя Пр[е]ч[и]стыя вл[а]д[ы]ч[и]цы нашея Б[о]горо[д]ица ч[е]стнаго ея Бл[а]говещенія, ту себе и гробъ сотвори своими рукама, и трапезу сотвори, еже дон[ы]не есть, и общее житіе состави и м[о]н[а]стырь возгради» (л. 334об.–335). Мы не можем сейчас судить о том, сделаны ли были отмеченные нами вставки в списке РГАЛИ № 61 переписчиком именно этого списка или они уже находились в его протографе. Но можно достаточно определенно указать на круг источников, откуда они могли быть позаимствованы.

О слепой Джанибековой царице Тайдуле сообщается в редакциях Жития свт. Алексея, составленных в XVI в. для Никоновской летописи и Степенной книги. В Пахомиевой редакции Жития и ее сокращениях действуют не Джанибек и Тайдула, а «царь Амурат» и его не названная по имени «царица». И в списке РГАЛИ № 61 везде, кроме процитированной вставки на л. 333, говорится не о Жанибеке и Тайбуле, а об Амурате с его царицей. (Комичным образом интерполятор принял трехлетний срок болезни царицы за ее возраст и превратил ее в малолетнюю «девицу», «дщерь» Джанибека.) Таким образом, интересующие нас вставки могут восходить к текстам либо Никоновской летописи, либо Книги степенной царского родословия; к каким-то их спискам, в которых имелось дополнение о подарке ханом Джанибеком своего посольского двора митрополиту Алексею.

Дополнительные данные для решения этого вопроса позволяют внести обращение к группе летописных текстов, так или иначе связанных с Летописным сводом 1652 г. Во-первых, это Летописец, содержащийся в рукописи ГИМ, Музейское собр. 3058. А.Н. Насонов определял его как отдельную («другую») редакцию свода 1652 г., возможно, восходящую к новгородскому летописному своду конца XVI в.²¹ По мнению же А.В. Лаврентьева, Музейский летописец представляет собой свод, созданный в 1649–1652 гг. в окружении новгородского митрополита Никона и послуживший источником для никоновского патриаршего Летописного свода 1652 г., составленного после возведения Никона на Всероссийскую кафедру²².

²¹ *Насонов А.Н.* История русского летописания XI — начала XVIII в. Очерки и исследования. М., 1969. С. 485–486.

²² *Лаврентьев А.В.* К вопросу о списках свода 1652 г. в связи с историей его создания // Проблемы изучения нарративных источников по истории русского средневековья. М., 1982. С. 45–46.

Собственно Летописный свод 1652 г. был доступен нам по рукописям московских хранилищ: НИОР РГБ. Ф. 37. Собр. Большакова № 423 (XVII в.). Ф. 178. Музейное собр. № 9476 (XVIII в.); ГИМ. Собр. Уварова № 543 (XVIII в.). Собр. Черткова № 272 (XVIII в.); РГАДА. Ф. 181 Собр. МГАМИД № 13/14 (XVIII в.). В интересующих нас фрагментах они содержат практически идентичный текст. Далее мы будем опираться на старейший список этой группы — РГБ, Собр. Большакова № 423.

Список НИОР РГБ. Ф. 205. Собр. ОИДР № 128 (XVIII в.) представляет собой вторую редакцию Летописного свода 1652 г., которая, по наблюдениям А.В. Лаврентьева, могла быть составлена между 1657 и 1673 гг. в окружении рязанского митрополита Иллариона²³.

Наконец, это Мазуринский летописец, составленный в первой половине 1680-х гг., возможно, иноком Чудова монастыря Исидором Сназиным²⁴. В основе этого летописного памятника также лежит один из текстов, входящих в круг Летописного свода 1652 г. (подробнее об этом будет сказано ниже).

Источником для всех этих летописцев так или иначе послужила Книга степенная царского родословия. Прямые ссылки на Степенную имеются в их текстах, да и без ссылок хорошо заметны более или менее обширные заимствования из Степенной книги. В частности, во все эти памятники вошло Житие митрополита Алексея в редакции Степенной. При этом оно было сильно сокращено, превратившись в рассказ о двух его шествиях в Золотую Орду, обрамленный лаконичными известиями о его происхождении и поставлении на Русскую митрополию и о преставлении. История ордынских поездок митрополита Алексея в этих летописцах весьма последовательно следует за текстом Степенной книги, с тем лишь отличием, что среди ханских даров святителю за исцеление ханши Тайдулы упоминается царский посольский двор.

Впрочем, в списке ГИМ, Музейское собр. 3058, отражающем, вероятно, источник свода 1652 г., у двора нет определения «посольский». Там сказано: «Дасти же царь и двор свой, идеже ныне Чудов монастырь, и отпущен бысть с миром. И прииде святыи на святыи на престол свой с великою честию и устрои на том месте церковь каменну во имя Чюдо архистратига Михаила, идеже даст ему царь место, и обитель устрои на том месте» (л. 116об.) Однако это может быть всего лишь пропуск слова «посольский» именно в данном списке, тогда как в архетипе этого летописного памятника оно имелось. Подозревать это

²³ Лаврентьев А.В. Свод 1652 г. — памятник русского летописания XVII в.: дисс. ... к.и.н. М., 1984. Приложение. С. 12–18.

²⁴ Чистякова Е.В., Богданов А.П. «Да будет потомкам явлено...». Очерки о русских историках второй половины XVII века и их трудах. М., 1988. С. 60–75; Богданов А.П. Исидор Сназин // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1993. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 2. И–О. С. 124.

заставляет сравнение Летописца Муз. 3058 с Мазуринским летописцем. В последнем мы находим очень близкий вариант интерполяции о царевом дворе, но с указанием — «посольский»: «Даст же ему царь и двор свой **посолской** на Москве, идеже ныне Чюдов монастырь, и отпущен бысть с миром. И прииде святыи на престол свой с великою честию и устрои на том месте церковь каменну во имя архистратига Михаила, идеже даст ему царь место, и обитель устрои на том месте»²⁵.

В Летописном же своде 1652 г. этот фрагмент выглядит немного иначе: «Царь же даст ему и двор свой посолской, и отпусти его с миром. || И прииде святыи к Москве на престол свой с великою честию. И того ради воздвиже церковь каменную во имя Чюдо архистратига Михаила, и обитель устрои на том месте, идеже был двор посолской, иже даде ему царь» (РГБ. Ф. 37 Собр. Большакова № 423. Л. 63–63об.). Во второй редакции свода 1652 г. читается практически то же самое: «Царь же даде ему и двор свой посолской, и отпусти его с миром. И прииде к Москве на престол свой с великою честию. И того ради воздвиже церковь каменную во имя Чюда архистратига Михаила, и обитель устрои на том месте, идеже был двор посолской, иже даде ему царь» (РГБ. Ф. 205 Собр. ОИДР № 128. Л. 45).

Детальное сопоставление фрагментов Жития митрополита Алексея в списках РГБ. Ф. 37. Собр. Большакова № 423, ГИМ, Музейское собр. № 3058 и Мазуринского летописца показывает, что в целом они весьма близки друг другу (поскольку восходят к одному источнику — Степенной книге), различия между ними носят не содержательный, а лишь лексический характер. Однако индивидуальные чтения Больш. 423, отражающего основную редакцию Летописного свода 1652 г., все-таки заметно отличают его от Муз. 3058 и Мазуринского летописцев, которые последовательно сходны между собою.

С другой стороны, употребление в Летописном своде 1652 г. формы «**воздвиже** церковь каменную» (РГБ. Ф. 37 Собр. Большакова № 423. Л. 63об.), отличающей его от Муз. 3058 и Мазуринского летописцев, где находится — «**устрои** на том месте церковь каменну», сближает до определенной степени свод 1652 г. с рассмотренным выше списком Жития митрополита Алексея РГАДА. Ф. 187. Собр. РГАЛИ № 61, где читается: «**воздвизает** на томъ месте ц[e]рк[о]вь каменную». Впрочем, это настолько малые по объему фрагменты, что строить на их основании какие-либо текстологические конструкции не представляется сколько-нибудь надежным.

Безнадежными оказались и поиски списка Степенной книги, в котором бы уже читалась интерполяция о подарке митрополиту Алексею царского двора. А.В. Лаврентьевым был указан тот список

²⁵ Мазуринский летописец // Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). М., 1968. Т. 31. Летописцы последней четверти XVII века. С. 87.

Книги степенной царского родословия, который, по его мнению, мог использоваться патриаршими книжниками при составлении летописного свода 1652 г. Он полагал, что это могла быть Степенная книга из личной библиотеки патриарха Никона, который и являлся заказчиком свода 1652 г. и который позднее вложил эту Степенную в Воскресенский Новоиерусалимский монастырь. В настоящее время эта книга хранится в библиотеке Академии наук — БАН, 32.8.¹²⁶ К сожалению, вставки о ханском дворе там не оказалось²⁷. Не оказалось ее и в тех списках Степенной книги, которые А.В. Сиренов считает восходящими к общему протографу с БАН, 32.8.1. Из этой группы списков нами были просмотрены НИОР РГБ. Ф. 256 Собр. Румянцева № 413 (кон. XVII в.) и РГАДА. Ф. 357 Собр. Саровской пустыни № 59 (1687 г.). Все они очень точно воспроизводят текст Чудовского списка Книги степенной царского родословия. Поэтому текстологически не представляется возможным даже доказать, что именно списки этой группы привлекались для составления Летописного свода 1652 г. (а не тот же Чудовский, например).

Выявленный на сегодняшний день круг памятников XVII столетия, отражающих легенду об основании Чудова монастыря на месте ханского подворья в Московском кремле, позволяет прояснить и ситуацию с теми источниками, которыми могли пользоваться историки XVIII–XX вв. для своих сочинений. Очевидно, что «некоторые летописцы», на которые ссылался И.Е. Забелин, относятся к кругу списков Летописного свода 1652 г. и родственных ему летописных памятников.

А применительно к статье А.П. Сумарокова «О первоначалии и созидании Москвы» мы можем со всей определенностью говорить не только о том, что при ее написании использовался свод 1652 г., поскольку из примерно полусотни исторических фактов, упомянутых в этой статье, три десятка легко отыскиваются в обеих редакциях этого Летописного свода. Но и о том, что А.П. Сумароков пользовался второй редакцией этого свода. Дело в том, что сумароковская статья открывается переделкой двух текстов, входящих в цикл легендарных повестей о начале Москвы. Автор XVIII в. явно использовал в своей работе «Повесть о зачале Москвы» и «Сказание о зачале Москвы и Крутицкой епископии»²⁸. А как раз эти два легендарно-исторических сочинения и находятся в списках второй (младшей) редакции патри-

²⁶ *Лаврентьев А.В.* Свод 1652 г. — памятник русского летописания XVII в. С. 32–33.

²⁷ Текст интересующего нас фрагмента Жития митрополита Алексея в этом списке по нашей просьбе любезно проверил А.В. Сиренов, за что автор настоящей статьи выражает ему самую искреннюю признательность.

²⁸ *Салмина М.А.* Древнерусские повести о начале Москвы в переработке А.П. Сумарокова. С. 379–380.

аршего летописного свода 1652 г.²⁹ С учетом того, что летописный свод 1652 г. пользовался популярностью и в XVIII в. — большинство дошедших до нас списков данного свода относятся именно к этому столетию (один из них был даже специально переписан в 1736 г. для канцлера А.П. Вольнского)³⁰, — нет ничего удивительного в том, что им мог воспользоваться в своих исторических трудах и А.П. Сумароков. Следовательно, и известие про двор татарских посланников, бывший прежде на месте Чудова монастыря, он, вероятнее всего, мог почерпнуть именно из этого летописного источника.

В этой связи можно высказать осторожную догадку и о том, что же все-таки мог представлять собой аверинский «Измарагд диалектовый», на который ссылался И.М. Снегирев. Если этот памятник реально существовал, то не мог ли «Измарагд от создания мира, оканчивающийся 1697 г.» быть поздним списком летописного свода 1652 г. или восходящего к нему Мазуринского летописца с продолжением текста до 1697 г.? Возможность использования И.М. Снегиревым какого-то реального древнерусского источника подкрепляется до некоторой степени редкой формой имени исцеленной ордынской царицы — Тайбола. В известных нам текстах точно такая форма не встречается нигде. Но наиболее близка ей оказывается форма Тайбула (Тайбулу), которую мы находим в интерполяции в краткое Житие митрополита Алексея в списке РГАЛИ № 61, где упоминается и пресловутый «посольский двор». А если принять во внимание, что в оригинале этого списка написано было «Тайбълъ», то легко представить себе, что графема ѱ в каком-то другом списке «потеряла» со временем верхние «рога», сохранив только нижнюю петлю, и поэтому в таком дефектном варианте имя царицы вполне могло быть прочитано в середине XIX в. как Тайбола (Тайболу). Не в этом ли «Измарагде диалектовом» посольский двор превратился в конюший?

Таким образом, самым ранним известным нам документальным свидетельством, фиксирующим предание о построении Чудова монастыря на месте ордынского подворья, возможно, является список сокращенной редакции Жития митрополита Алексея в сборнике РГАЛИ № 61, который датируется довольно широко — первой половиной XVII в. В следующий раз это предание проявляется в летописце Муз. 3058, связанном с трудами книжников новгородского митрополита Никона на рубеже 40–50-х гг. XVII в. После перехода Никона на всероссийскую патриаршую кафедру и эта чудовская легенда переходит в общерусский патриарший летописный свод 1652 г.

²⁹ Лаврентьев А.В. Свод 1652 г. ... Приложение. С. 15–16.

³⁰ Археографический обзор списков летописного свода 1652 г. см.: Лаврентьев А.В. Свод 1652 г. ... Приложение. С. 1–6.

А затем, в начале 80-х гг. XVII столетия, снова проявляется в Мазуринском летописце. В целом же можно говорить о том, что предание о подарке митрополиту Алексею ханского двора в Москве за чудесное исцеление Тайдулы изначально могло существовать в устном виде, как элемент чудовского монастырского фольклора; а в эпоху патриарха Никона это предание обратило на себя внимание патриарших книжников, которые занесли его на страницы своих церковно-исторических сочинений.

Из вышесказанного с очевидностью вытекает, что письменная фиксация чудовской легенды патриаршими книжниками в XVII в. никак не была связана с историческими реалиями XIV столетия, но использовала легендарные «припоминания» о тех давно минувших временах для решения актуальных духовно-идеологических задач своего времени. Придание этой легенде официального статуса, через помещение ее в тексты важнейших письменных памятников патриаршего двора, превращало Чудов монастырь в материальный знак и постоянное напоминание об опасной поездке митрополита Алексея в Золотую Орду, увенчавшейся триумфом чудесного исцеления слепой ханши и избавлением Руси от грозившего ей нового ордынского погрома. В контексте этой легенды русские первоиерархи выступали не просто активными участниками вполне светской государственно-дипломатической деятельности, но и до некоторой степени приобретали в этой сфере пальму первенства, поскольку им удавалось решить такие внешнеполитические проблемы, перед которыми бессильно отступала верховная светская власть³¹. Через обращение к чудовской легенде русские патриархи XVII в. получали «исторический аргумент», существенно подкреплявший их стремления играть самостоятельную и активную роль в светских политических делах вообще и внешнеполитических в особенности. А подобные устремления, несомненно, имелись у патриарха Никона (особенно на фоне русско-польской и русско-шведской войн середины XVII в.).

---

³¹ Подробнее о коллизиях царско-митрополичьих противоречий в дипломатической сфере середины XVI в., отразившихся в составленной для Степенной книги редакции Жития митрополита Алексея, см.: *Кривцов Д. Ю.* Рассказ Степенной книги о «шествиях» в Орду митрополита Алексея и царско-митрополичьи отношения 60-х гг. XVI в. // Мининские чтения: Материалы докладов научных конференций, проводившихся в Нижегородском государственном университете им. Н. И. Лобачевского 22 мая 1998 г., 21 мая 1999 г. и 21 мая 2000 г. Н. Новгород, 2001. С. 67–84.